

На изломе эпох

ЗАГАДОЧНЫЙ ЗЕЛЕНЦОВ

Златоуст... Меня почему-то всегда тянуло в этот спрятавшийся в горах город со звучным именем. Скорее всего, интерес был вызван творчеством Сергея Михайловича Прокудина-Горского, который в августе 1910 года – сразу после Уфы – заехал туда и сделал два десятка превосходных цветных снимков. Собственно, открытие для россиян богатого наследия известного русского учёного и фотографа началось с портрета златоустовского жителя Калганова, преподавателя нашей стране президентом США Р. Рейганом.

И вот однажды февральским вечером я, наконец, впервые увидел луну над Таганаем (с башкирского название этой горы так и переводится – «подставка для луны»), громаду Косотура, разрезавшего город пополам, и пляшущие по горкам и горам старинные улочки города – родины российского булата (тайну его раскрыл Павел Аносов).

В златоустовском краеведческом музее моё внимание привлекла групповая фотография, в центральной части которой выделялся седой пожилой мужчина в форменном сюртуке с многочисленными наградами. Меня удивило то, что под знаками орденов, как бы гордясь своим одиночеством, красовался солдатский Георгиевский крест. Как он мог оказаться у явно высокопоставленного господина, ведь получить такую награду мог лишь солдат или младший офицер? Однако гораздо больше удивило пояснение работников музея: оказывается, что столь заинтересовавший меня человек – горный начальник А. А. Зеленцов.

Фамилия эта была мне знакома очень даже хорошо: мой отец провёл детство и юность в доме, когда-то принадлежавшем Анатолию Александровичу. Дом этот со стоявшим рядом огромным тополем остался лишь в памяти – в той давней одноэтажной Уфе, что как мираж растаяла прямо на наших глазах.

* * *

Все любят таинственные истории. Но та, что несколько лет назад была опубликована в одной из уфимских газет, при всей своей занимательности задела меня совсем с другой стороны, ведь уфимский дворик, о котором шла речь, был мне знаком чуть ли не с рождения. С любопытством прочитал я в газете о том, как в начале 20-х годов в дом, стоявший на углу Ильинской и Спасской (нынешних улиц Валиди и Новомостовой), попросилась на ночлег убогая, сторбленная старушка. Хозяин одной из квартир пожалел её и пустил переночевать. Без затей – на сундуке у входа. А наутро обнаружил, что старухи и след простыл, а в погребе вскрыт тайник, устроенный, должно быть, ещё прежними хозяевами дома. Особое доверие вызывало то, что рассказчица достоверно описывала место действия: сараи во дворе, малину под окнами, высокий забор, отделявший двор от Видинеевского сада (в советское время он носил имя А. В. Луначарского). Правда, отец, которому я показал газету, заметил, что никакогоклада быть не могло – он, дескать, обязательно про такое бы слышал.

До взятия красными Уфы в июне 1919 года дом принадлежал действительному статскому советнику (по аналогии с военными званиями – генерал-майору) Зеленцову. В предреволюционные годы этот человек принимал активное участие в деятельности приходского совета стоявшей чуть ниже по улице Ильинской церкви. В алфавитные списки дореволюционных адресных книг по г. Уфе Зеленцов почему-то не попал, хотя на отдельной странице справочника 1911 года были напечатаны две строки, на которые долгие годы никто не обращал ни малейшего внимания: «Член Государственного Совета от Уфимской губернии – А. А. Зеленцов».

Государственный Совет в Российской империи был образован в 1810 году Александром I. Он считался высшим законосовещательным органом: законопроекты готовили министерства, Госсовет же их обсуждал и вносил, говоря современным языком, поправки. Далее законы шли на Высочайшее утверждение. Почти сто лет членов Совета назначал царь, но Манифестом от 17 октября 1905 года были объявлены выборы не

только в Государственную думу, но и в Госсовет. Так что избранный на три года Государственный Совет 1906 года был назначаем уже лишь наполовину. А на следующее трёхлетие единственным членом Государственного Совета от Уфимской губернии был избран горный начальник Златоустовского округа Анатолий Александрович Зеленцов. Три десятилетия бирский дворянин служил в Златоусте – на своей малой родине он лишь числился Почётным мировым судьёй. А в начале века, готовясь к выходу на пенсию, действительный статский советник Зеленцов купил себе дом в Уфе. Событие это он отметил не совсем обычным образом – посадил маленький тополёк под окнами. Но до поры до времени свою уфимскую квартиру Зеленцов сдавал коллеге – горному инженеру Генриху Дицу, пока тот не обзавёлся собственным домом на Телеграфной улице.

СОЛДАТСКИЙ КРЕСТ

Из формуляра Зеленцова, хранящегося в республиканском историче-

Парад в Златоусте 30.06.1904 г.

ском архиве Уфы, следует, что родился Анатолий Александрович 21 января 1854 года в Бирском уезде в семье дворянина. Мать его была лютеранкой (в те времена это не было редкостью – в среде купцов и дворян даже существовала такая, можно сказать, мода). От матери, должно быть, и перенял сын чисто немецкую практичность, расчётливость и аккуратность в делах, что, соединившись с русской широтой взглядов, и послужило в дальнейшем добрую роль в его блестящей карьере. Окончив «полный курс наук» в горном институте Санкт-Петербурга, 22-летний Анатолий поступает на службу в лейб-гвардию конно-гренадёрского полка. В 1877 году началась Русско-турецкая война. Та самая, что подняла в нашей стране чувства единения со славянами Южной Европы. Именно в ту войну появилось ласковое обращение «братушка» – так благодарные болгары называли своих русских освободителей. Героически бился за братьев-славян и молодой прапорщик Зеленцов: в конце 1877 года его наградили Георгиевским крестом. И через десятки лет, когда он уже был кавалером ордена Св. Станислава всех трёх степеней и его грудь украшали знаки отличия ордена Св. Анны, в том числе с мечами – «За храбрость», а также ордена Св. Владимира двух степеней, скромный серебряный солдатский «Егорий» № 54594 всё так же гордо выделялся среди важных золотых наград.

Зимой 1879 года Зеленцов был уволен в запас и отправился на Урал в распоряжение Главного начальника уральских горных заводов. «Молодой специалист» сразу показал себя с самой лучшей стороны – через несколько месяцев Зеленцова назначают смотрителем Верхнетурского завода. Меньше чем через два года он уже управлял заводом по выплавке серебра. За «беспорочную службу» получает знак ордена Св. Станислава 3-й степени и чин надворного советника. Следующие несколько лет Зеленцов занимает ответственную должность начальника

А. А. Зеленцов с Георгиевским крестом

транспорта с золотом уральских заводов.

Лето 1897 года Анатолий Александрович провёл в Германии и Бельгии, где изучал опыт работы тамошних горных ведомств. А в начале сентября он становится главным должностным лицом всех заводов округа – горным начальником.

При Зеленцове заводы, помимо боевого оружия и форменного оружия гражданских ведомств, значительно увеличили производство коллекционного оружия и столовых приборов. Именно в период его руководства знаменитая златоустовская гравюра на стали достигла наивысшего расцвета и получила признание на многих международных выставках.

Но как раз при Зеленцове начинался и «подъём революционного движения». В сентябре 1897 года, когда новый горный начальник приступал к исполнению своих обязанностей, только что закончилась затянувшаяся почти на два месяца стачка работников прокатного цеха оружейного завода. Рабочие требовали повышения заработной платы и введе-

ния восьмичасового рабочего дня. И, несмотря на то что был принят закон, устанавливающий в России рабочий день в 11 с половиной часов, Зеленцов пришёл к твёрдому убеждению: во многих цехах завода восьмичасовой рабочий день не приведёт к падению объёма производства. «При новом порядке рабочие, имея более свободного времени для домашних работ, получают больше облегчения и труд их будет более производительнее», – писал он начальнику уральских горных заводов. Такая позиция Зеленцова значительно повысила доверие к нему со стороны рабочих. Когда в 1902 году Зеленцов ввёл восьмичасовой рабочий день в правила внутреннего распорядка всех заводов округа, в России ещё не было ни сколько-нибудь заметных рабочих партий, ни профсоюзов. Кроме того, новые правила внутреннего распорядка стали регламентировать труд подростков и запрещали работу женщин в ночное время. Опыт Златоустовского завода оказался столь успешным, что вскоре восьмичасовой рабочий день был введён и на некоторых других заводах округа.

Фактически горный начальник являлся первым лицом и города, и уезда, так что по долгу службы ему приходилось встречаться со многими именитыми гостями. Так, 16 июля 1899 года из поезда на перрон златоустовского вокзала вышел невысокий пожилой человек. Это был директор Главной палаты мер и весов, возглавлявший тогда группу учёных, изучавших по поручению министра финансов С. Ю. Витте главные заводы Урала. Звали гостя Дмитрий Иванович Менделеев.

А в марте 1903 года у Зеленцова была ещё одна встреча: в город тогда прибыл Уфимский губернатор Николай Модестович Богданович. С этим приездом связана одна из самых мрачных страниц в истории города, да и России в целом. В советских учебниках истории она именовалась не иначе как «Златоустовская бойня» или «Златоустовский расстрел».

Цитата из Большого энциклопедического словаря: «Златоустовская бойня 1903 г., расстрел царскими войсками 13 марта стачечников казённого оружейного завода в Златоусте. Убито 69 чел., ок. 250 ранено». Всё вроде ясно: царские сатрапы убили безоружных и ни в чём не повинных людей. Если, конечно, не учитывать того, что волнения возникли из-за одного сомнительного пункта в «Условиях найма» рабочих в новых расчётных книжках, который толковался подстрекателями как возврат к крепостному праву. Если не обращать внимания на тот факт, что для смягчения ситуации Зеленцов пошёл на то, что вопреки существовавшим положениям временно разрешил работать вообще без расчётных книжек. Согласился он удовлетворить и некоторые другие требования рабочих, не противоречащие интересам дела и законам. 11 марта Зеленцов лично выступил перед митингующими и заявил, что новые «Условия найма» ни в чём не изменяют их прав.

Опытные рабочие поверили ему, но провоцируемые революционерами экстремисты из среды молодёжи на работу не вышли и, более того, стали препятствовать входу на завод другим. Для предотвращения анархии были вызваны войска. 12 марта Зеленцов предложил «продолжить работы впредь до подробного расследования и решения дела». Вечером в Златоуст прибыл начальник губернии Н. М. Богданович. На следующий день и он попытался говорить с народом, для чего вышел на балкон дома горного начальника. Но гудящая толпа заглушила голос генерала (а ведь Богданович из-за прогрессирующей глухоты говорил даже громче, чем требовалось). Тогда он спустился и вышел на крыльцо. Вспоминали, что разговор, не успев начаться, закончился тем, что один из рабочих, подогреваемый теряющей разум толпой, едва не избил губернатора. Николаю Модестовичу сорвали ноготь,

охрана едва успела втащить его в дом и тем самым спасти от дикой расправы. Из толпы раздалась выстрелы в дверь (во всяком случае, об этом сказано в докладе Зеленцова руководству).

Точной хроники событий нам, похоже, уже не узнать никогда. В тридцатые годы возникла даже «версия» о том, что приказ стрелять дал, махнув белым платком, не вполне протрезвевший после ночной гулянки Богданович. Зеленцов в уже упомянутом докладе писал, что оружие было применено после выстрелов в дверь вслед за ушедшим губернатором. Ясно одно: бесчинствующую толпу успокоить убеждениями уже было невозможно, и, признав ситуацию критической, бывший боевой генерал Богданович взял на себя ответственность за самые жёсткие меры по наведению порядка. Солдаты Мокшанского полка открыли огонь.

Кровавый итог забастовки вызвал шок в городе, но одновременно явился и психологическим допингом для революционеров. Они, разумеется, не особо задумывались над тем, насколько виноват Богданович: им были «нужны потрясения». Социалисты-революционеры приговорили Богдановича к расстрелу. Вот что писали они в листовках: «Правительственная версия является сплошной ложью. Из показаний привлечённых впоследствии к суду видно, что рабочие в дверь не ломались, а ограничивали своё негодование только криками и шумом. Револьверные выстрелы, которыми были легко ранены помощник исправника Лобовицкий и жандармский унтер-офицер, в действительности, никогда не производились».

Из текста следовало, что Лобовицкий ранил себя сам. По глупости, что ли? В заявлении, напечатанном через два месяца в «Революционной России», приводились цифры о 28 убитых, взятые из

той самой являющейся «сплошной ложью» правительственной версии событий на площади перед домом горного начальника, хотя официальные источники тогда говорили о 47 погибших (к убитым добавились умершие раненые). А вездесущая ленинская «Искра» сразу написала о 69 убитых и 250 раненых.

В УШАКОВСКОМ ПАРКЕ

Сам Богданович глубоко переживал случившееся. Сохранились свидетельства очевидца о том, что Николай Модестович в частной беседе говорил: «Как вы думаете, так ли я поступил, как следовало поступить? Меня обвиняют, что я не обдумавши поступил так. Но, даю честное слово, что поступил в полном сознании того, что делаю, я не видел другого исхода. Государь одобрил мой поступок, что меня и успокаивает». А ещё Богданович винил себя за то, что не привёл с собой казачью сотню, которая просто разогнала бы демонстрантов нагайками.

Губернатора предупреждали о грозящей ему опасности, но никаких серьёзных мер он не принял. А в это время рука бывшего уфимского слесаря-железнодорожника Егора Олимпиевича Дулебова уже выводила на бумаге слова, которые в своё время многие считали бы верхом самоотверженности: «Я иду выполнить приговор боевой организации не потому, что не верю в рабочее движение, и сознаю, что если не будем наказывать разбойников и палачей народа, то падёт дух, и мы не будем двигаться вперёд... Я считаю счастьем, что на мою долю выпало отомстить этому извергу, уфимскому губернатору. По произволу его было пролито много крови златоустовских рабочих. А за проливаемую кровь должна течь кровь угнетателей»¹.

¹ По свидетельству генерала А. И. Спиридовича – начальника охранного отделения Кива, Гершуни (Герш Исаакович Ицков), являвшийся организатором покушения, кроме того, что «внушал, натаскивал и толкал на дело» боевиков, ещё и диктовал им подобные письма. Гершуни был арестован в Киеве 13 мая 1903 года.

В саду им. Богдановича, 1900-е гг. Фото Н. Фосса

Сегодня эти строки больше кажутся бредом одержимого. Дулебов в 1901 году вошёл в кружок Егора Созонова (часто эту фамилию пишут как Сазонов). От Созонова он и получил первые уроки «революционного социализма» – то есть терроризма. Организатор убийства Гершуни, выбирая 20-летнего боевика для исполнения акта, был в нём вполне уверен. 6 мая 1903 года Дулебов, как позже писал Борис Савинков, «шестью выстрелами из браунинга застрелил в городском саду Богдановича и бежал». В следующем, 1904 году он принял самое активное участие в покушении на министра внутренних дел Вячеслава Плеве. Через полгода Дулебов был арестован, в 1907 году «нервное расстройство его перешло в душевную болезнь», он был переведён из тюрьмы в больницу, где и умер в 1908 году, так и не открыв своего настоящего имени. Потому-то убийцей Богдановича посчитали Григория Гершуни.

Вот что писали о событиях 6 мая 1903 года в уфимском Ушаковском парке петербургские газеты:

«Новое Время», 7 мая 1903 года:

«Телеграф принёс весть о новом гнусном злодеянии, жертвой которого стал один из просвещеннейших и гуманнейших русских губернаторов, Н. М. Богданович, хорошо знакомый Петербургу как бывший начальник главного тюремного управления».

«Новости Дня», 8 мая 1903 года:

«В 4-м часу губернатор Богданович гулял один в городском парке. Пойдя по боковой аллее, прилегающей к собору [Воскресенскому, стоял до 1932 года на месте нынешнего Башдрамтеатра. – А. Ч.], он был встречен двумя или тремя злоумышленниками – это точно не установлено. Один, поклонившись, подал запечатанный пакет [с текстом приговора. – А. Ч.], а остальные одновременно произвели ряд выстрелов в спину и грудь. Смерть наступила моментально. Церковный сторож первым увидел злодеяние и бросился схватить преступников, но, испугавшись выстрелов, направленных в него, дал им возможность скрыться».

15 мая 1903 года Николай Модестович Богданович был похоронен в Санкт-Петербурге рядом с отцом, известным

Часовня (справа) на месте гибели губернатора, вид с колокольни Воскресенского собора, 1910-е гг.

военным историком и генерал-лейтенантом. На похоронах уфимского губернатора присутствовал сам Плеве². Вячеслав Константинович и не подозревал, что участь уфимского губернатора вскоре постигнет и его: через год бомба, брошенная другим уфимским Егором – Созоновым, разорвала министра буквально на мелкие кусочки.

В знак уважения к покойному губернатору уфимцы воздвигли на месте гибели Богдановича – чуть южнее алтаря Воскресенского кафедрального собора – часовню, которую стали именовать «Никольской-на-Крови». А открытый ещё в 1900 году сад на Случевской горе вскоре стал носить его имя.

ПЕЧАЛЬНЫЙ ВАЛЬС

Жизнь шла своим чередом. Всё, казалось, встало на свои места. В апреле 1903 года в связи с выслугой лет действитель-

ный статский советник Зеленцов получил «Владимира» 4-й степени. Он купил дом в Уфе. Но в начале 1904-го началась Русско-японская война. Оружейный завод резко увеличил выпуск снарядов и холодного оружия. А те самые солдаты, что совсем недавно стреляли по бунтующим рабочим, стали собираться на Дальний Восток. С целью их напутствия 30 июня в Златоуст прибыл Николай II. Надолго запомнилась Зеленцову эта идиллическая картина: вымытый утренним дождём плац под стальным небом, император на белом коне, brave солдаты, кричащие «ура» царю-батюшке. А вот как описал те же события сам Николай II: «После встречи поехали на парад, на котором представились отлично полки: 214-й Мокшанский и 282-й Черноморский. Местоположение было очень красивое – горы кругом и площадки парада. Дождь прошёл, и даже показалось солнце».

Император был доволен, он высказал желание ещё раз посетить Урал. Через

² Обиженный на Плеве бывший шеф Киевской жандармерии генерал Новицкий в своих так называемых «Записках» обвинял министра внутренних дел в попустительстве убийству уфимского губернатора из-за соперничества «на романтической почве». Красноречивый факт: «Записки» были отпечатаны эсерами.

четырнадцать лет пожелание это, к несчастью для него и его семьи, сбылось: в следующий раз он прибыл на Урал летом 1918 года, но уже в качестве пленника. Стого самого времени в музее Златоуста вместе с почти такими же клинками, что были преподнесены некогда императору, хранится семейный альбом царской семьи с двумя сотнями снимков, некоторые из которых сделаны, скорее всего, самим Николаем II. Как альбом туда попал, не совсем ясно, известно лишь, что некоторые из большевиков-участников трагических событий в подвале Ипатьевского дома вскоре после расстрела царской семьи оказались в Златоусте...

А тогда, в 1904-м, кто бы мог предположить, что всего через год-полтора Россия станет совсем другой? 214-й Мокшанский и 282-й Чернойарский пехотные полки хорошо показали себя в боях под Ляолянем, Бенсиху и Мукденом. Под Мукденом командир Мокшанского полка полковник Пётр Побыванец был смертельно ранен. Умирая, он вспомнил о тех безоружных рабочих, что погибли от пуль солдат его полка, и попросил похоронить его рядом с ними.

Изрядно потрёпанный полк Побыванца вернулся в Златоуст. И восстал – великая русская смута пятого года добралась и до армии. Вместе с полком вернулся в Златоуст и капельмейстер Илья Шатров. Этот молодой ещё человек, начало службы которого было отмечено «златоустовской бойней», вошёл в нашу историю как автор одной из самых пронзительных и любимых в России мелодий XX века. Автор дал своему сочинению название «Мокшанский полк на сопках Маньчжурии». Но на сотнях тысяч разошедшихся по всей стране грампластинок этот печальный вальс именовался просто – «На сопках Маньчжурии».

...Уже в конце XIX века Зеленцов, как это следует из адрес-календаря Уфимской губернии на 1899 год, занимал ряд самых разнообразных постов: он являлся действительным членом губернского статистического комитета и комитета губернского музея, Почётным мировым судьёй по Бирскому уезду, почётным смотрителем Златоустовского ремесленного училища. А 14 сентября 1909-го у него появилась ещё одна должность: он стал членом Государственного Сове-

Дом на ул. Фрунзе, 1961 г.

та «по выбору Уфимского губернского земского собрания». Новоиспечённому земледельцу темно-зелёного с красными воротником и обшлагами, шитого золотом мундира исполнилось пятьдесят шесть, когда в феврале следующего года он, оставив пост горного начальника, поселился на Почтамтской улице Санкт-Петербурга. В апреле ему «высочайше был пожалован» чин тайного советника.

Казалось, спокойная старость кавалеру многих орденов, почётному гражданину города Златоуста, счастливому отцу четверых детей обеспечена. В июне 1912-го Анатолий Александрович вышел в отставку с «усиленной» пенсией в 2500 рублей и вскоре въехал, наконец, в давно принадлежащий ему дом в Уфе на Ильинской улице. Было ему тогда пятьдесят восемь.

Почти каждый день он гуляет с 11-летним сыном и 14-летней дочерью по соседнему Видинеевскому саду, с удовольствием посещает спектакли выездных гастролёров в Летнем театре. Но вскоре безработная жизнь начинает тяготить его. Всё чаще в протоколах заседаний Губернского земства появляется его фамилия. Зеленцов-старший – активный член педагогического совета мужской гимназии. Его организаторские способности благотворно влияют и на работу приходского совета церкви Ильи Пророка. Но на подходе были совсем другие времена.

26 октября 1917 года, то есть через день после взятия Зимнего дворца в Петрограде, власть в Уфе перешла к большевикам. На уфимских обывателей, к коим причислял себя и Зеленцов, событие это не произвело особого впечатления: постоянные социальные перетряски стали делом почти привычным, да и большевики в городе уже давно вели себя как хозяева. Но в первых числах ноября новая власть ввела цензуру. Главной целью этого была газета «Уфимская жизнь», которую издавал граф Пётр Петрович Толстой, обвинявший большевиков в узурпации власти.

Потом началась национализация предприятий. Когда же в марте 1918 года было объявлено о конфискации всех земельных участков у частных владельцев и об установлении очень высокой платы за их аренду, Зеленцов понял, что спокойно жить новая власть ему не даст. Уезжать было некуда, к тому же младшему Юре едва исполнилось шестнадцать. Начавшийся антисоветский мятеж чехословацкого корпуса породил смутные надежды. Но даже Зеленцов, имевший значительный опыт знакомства с методами революционеров, не ожидал того, что произошло в середине лета.

БАРЖА СМЕРТИ

В начале июня чехословаки заняли Самару, и Уфа оказалась в окружении антибольшевистских сил. В этих условиях губернский съезд советов для обеспечения безопасной эвакуации советских учреждений и кадров принял решение об аресте заложников из горожан – видных деятелей дореволюционных времён. Утром 4 июля красные из Уфы ушли, вечером в городе уже были части чехословацкого корпуса. Цитата из «Истории Уфы» 1976 года издания: «Были арестованы и объявлены заложниками не успевшие эвакуироваться члены семей видных партийных работников». Да, это правда. Вот только ничего в книге не сказано о том, что предшествовало тому аресту. А дело было так: 29 июня пассажирский пароход «Урал» взял на буксир баржу с сотней совсем других заложников – схваченных красными. У конвоя был строгий приказ – утопить баржу в случае нападения на пароход, на котором ехали советские работники и члены их семей. С горой реквизированного барахла, хотя для жён работавших в Москве А. Д. Цюрупы, Н. П. Брюханова и Н. И. Подвойского на пароходе места не нашлось, никому не нужные, они были брошены на произвол судьбы в Уфе.

...цов (в центре) в Губернском земстве, июнь 1912 г.

Историк Андрей Егоров в статье «Уфимские заложники» приводит полный список уфимцев – узников «баржи

смерти». В нём мы встречаем имена лидера уфимских кадетов Петра Толстого, владельца женской гимназии и члена Собора Русской православной церкви Александра Ницы, лидера уфимского отделения Союза русского народа Григория Бусова, владельца первой электростанции Николая Коншина, члена Учредительного собрания и первого председателя Башкирского шура Шарифа Манатова. Оказался внутри раскалённой июльским зноем баржи и 64-летний Зеленцов.

1 июля баржа прибыла в Бирск. Для многих горожан, опасавшихся стать узниками плавучей тюрьмы, это было сигналом к бегству. Другие сочли своим долгом обеспечить арестованных бельём и продовольствием. Ещё через два дня баржа остановилась на Каме, у села Николо-Берёзовка. Волостной комиссар по военным делам Деев (во время войны с немцами как полный георгиевский кавалер он получил звание офицера) перевёл пленников на берег – в здание школы – и значитель-

...льинскую улицу и Ильинскую церковь с балкона Губернской земской управы

Школа в пос. Николе-Берёзовка

но смягчил режим их содержания. Он предложил организовать их побег, но заложники не поверили ему.

Вольности продолжались недолго: вскоре заложников вернули в плавучую тюрьму, а 7 июля они узнали, что Деев расстрелян. В сопровождении черноморских матросов на баржу прибыл председатель Сарапульской чрезвычайной комиссии. У заключённых отобрали хлеб, колбасу, яйца – всю оставшуюся пищу. Баржу потащили в Сарапул. Ночью из трюма вывели и, как выяснилось впоследствии, закололи штыками или расстреляли девятерых (есть свидетельства того, что при убийстве использовали даже молотки и топоры).

Больше ни один заложник не погиб, так как из Уфы пришло сообщение, что арестованы члены семей большевиков. Информация об этих событиях дошла до Ленина, который понял, что угроза для жизни сарапульских заложников (точнее уфимских) весьма велика. Но действовать глава Совнаркома начал почему-то

через дипломатические каналы: было объявлено об аресте в Уфе женщин и детей, что противоречит международному праву. Сделано это было в те самые дни, когда в Екатеринбурге зверски убили членов семьи и свиты последнего царя. В том числе детей.

Консульства ряда европейских государств выразили протест, заинтересовался судьбой заложников и Красный Крест. И хотя о сарапульских узниках тогда ничего не было известно, но именно вмешательство Ленина и Свердлова охладило поистине зверские намерения камских комиссаров. В конце августа четырнадцать заложников, в числе которых был и Зеленцов, оказались в Вятке, а в октябре – в Москве. И лишь в начале следующего года после сложных переговоров все пленники возвратились домой. Одна из уфимских газет писала в то время, что заложники «немного похудели, а старики больше поседели... У Зеленцова, как прежде, слабое сердце».

ЗАГАДКА КЛАДА

Вряд ли после таких потрясений семья решила ещё раз испытывать судьбу, и, скорее всего, в июне 1919-го, когда в Уфе вновь появились красноармейцы, Зеленцовых в городе уже не было. Во всяком случае, в 20-х в их доме возле Видинеевского сада хозяйничали семьи совработников.

В начале 1930-х была снесена Ильинская церковь, приходской совет которой долго возглавлял Зеленцов. В 1969-м под строительство заводского корпуса разобрали дом, некогда принадлежавший Зеленцову. Лет двадцать пять назад спилили и посаженный им тополь. Осталось лишь здание бывшей Губернской земской управы (старый корпус кабельного завода), в котором когда-то заседал Анатолий Александрович.

...Так был ли в зеленцовском доме клад? Возможно, что в первые недели

после октябрьского переворота опасавшийся пролетарских экспроприаций и обыкновенного мародёрства Анатолий Александрович мог спрятать какие-то ценности, а потом, после перенесённых потрясений, попросту забыть о них. О сундуке с золотом говорить, конечно, смешно. Старушка же, пришедшая за сокровищами и изъязвшая их из погреба втайне от новых хозяев, вполне могла существовать. В середине 1920-х дочери Зеленцова Юлии было чуть больше сорока, Инне – под тридцать. Кто-то из них вполне мог изобразить старуху и повернуть столь смелую операцию. И, может, где-нибудь в Красноярске (или, например, в Ницце) её правнучка и сейчас по праздникам надевает старинные, червонного золота серьги, которые когда-то носила в далёкой Уфе Екатерина Николаевна – жена тайного советника и кавалера солдатского Георгиевского креста Анатолия Александровича Зеленцова.